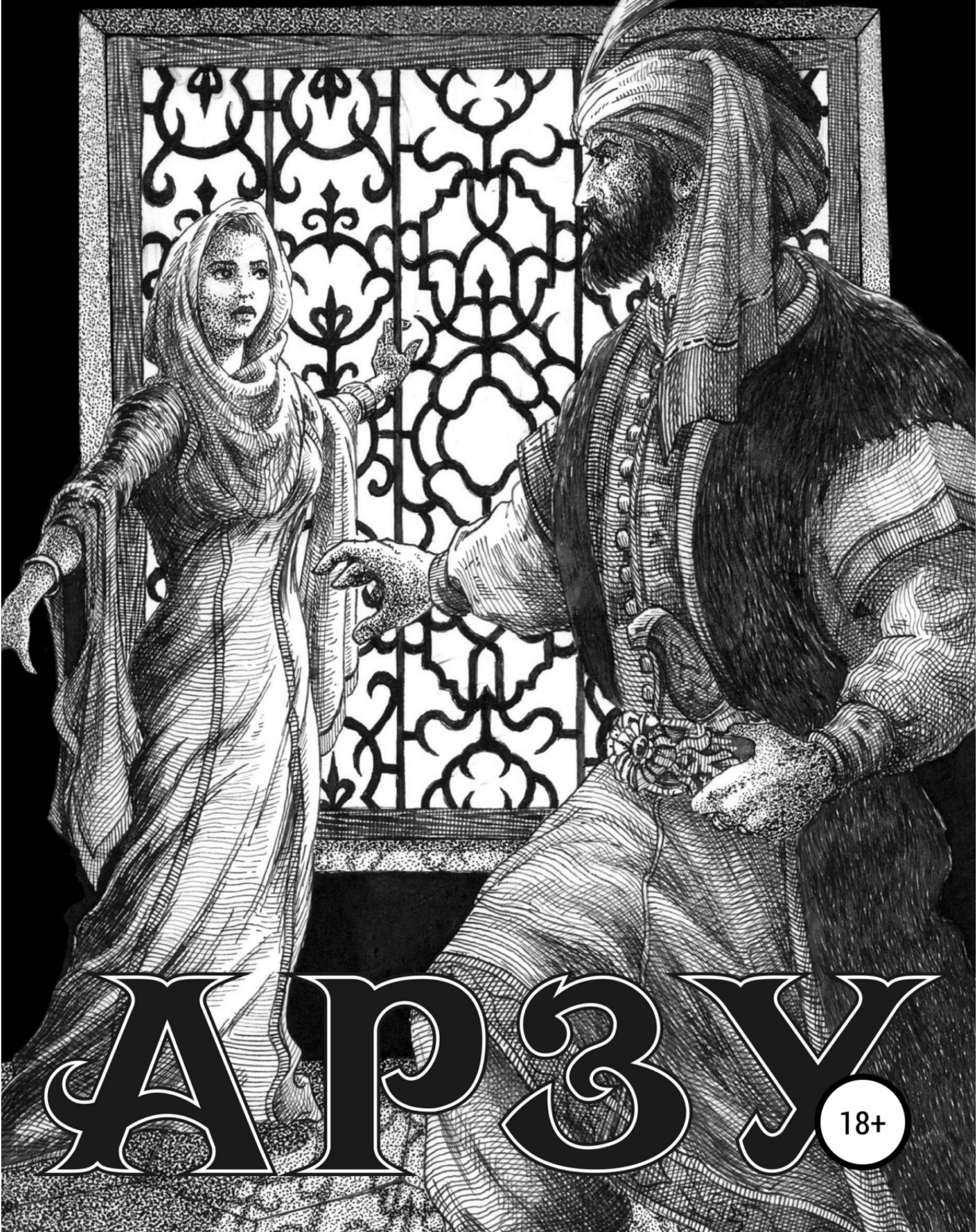

Ядвига Тобольская

АРЗУ

18+

Ядвига Тобольская

Арзу

«Автор»

2014

Тобольская Я.

Арзу / Я. Тобольская — «Автор», 2014

1469-й год. Расцвет Османской Империи. Султан Мехмед II Завоеватель (Фатих) привозит во дворец юную пленницу и вопреки всем законам двора поселяет её вне гарема рядом со своими апартаментами. В результате странных уроков развращённого Повелителя гречанка Ника превращается в наложницу Арзу – Желание Господина. Страх и зависимость. Ревность и зависть. Жестокие игры и ужасные реалии. Что победит - разум или страсть на грани безумия?

© Тобольская Я., 2014

© Автор, 2014

Ядвига Тобольская

Арзу

*Как все неправильно.
И за что полюбила она меня?
Объяснения нет. Она послана мне
За десяток веков ожидания.
К. Меладзе*

Ребенок засопел и зашевелился. Арзу заглянула под легкий кисейный полог над колыбелькой: он спал, умилительно причмокивая губками, и, наверно, видел чудесный сон про маму. Про маму, то есть про нее...

Вот уже третью неделю она мама, но пока еще не может привыкнуть к этому новому для себя состоянию. Да и вообще к тому, что этот малыш, ее сынок, все же умудрился появиться на свет. Сладко заныли груди, слава Аллаху, молоко пришло, и теперь рвется наружу, проступая маленькими белыми каплями на сосках.

«Слава Аллаху», – прошептала Арзу и усмехнулась про себя. Разве подумала бы она об этом Боге всего пару лет назад? Тихо ступая босыми ногами по шелковому персидскому ковру, Арзу подошла к окну. Она все еще была слаба после родов. Ее взору по-прежнему открывался большой квадрат патио огромного дворца, со всех сторон окруженный стенами. Уже много месяцев Арзу не видела ничего, кроме этих стен, ей было недоступно то, что находилось за их пределами. Дворец знаменитого турецкого султана Фатиха, грозного и жестокого завоевателя Константинополя, имя которого повергало в ужас и благоговейный трепет целые народы, роскошный дворец, стал для Арзу одной большой клеткой, из которой не выбраться.

Во внутреннем двореке наблюдалось крайнее оживление, скорее даже царил переполох. Во все стороны сновали рабы, нагруженные мясом и фруктами, ослик тянул тележку, наполненную бочками с янтарным вином, перекрикивались женщины, под ногами которых крутились многочисленные дети. С часу на час дворец ожидал возвращения своего султана из очередного похода, с новой победой. О его приближении сообщил присланный накануне поздно вечером гонец, и все население дворца ожило и заметалось в приготовлении к грандиозному пиршеству.

Арзу тоже с нетерпением ожидала Его, своего единственного Господина, Повелителя, ставшего ее собственным Богом. От воспоминаний о нем сердце застучало чаще, и сладостный спазм вызвал легкую боль внизу живота; недавние роды еще давали о себе знать.

Фатих отправлялся в поход чуть меньше двух месяцев назад. Шли последние недели ее беременности, ребёнок уже повернулся головкой вниз и начал опускаться, так сказал дворцовый врач-евнух, пользовавший всех женщин султана. Арзу плохо понимала, что он говорит, но передвигалась с трудом, неуклюже неся перед собой огромный живот; видимо, плод был крупным.

Опытный врачеватель высказал опасения султану, что роды могут быть тяжелыми с учетом хрупких размеров Арзу, но тот только рассмеялся в ответ:

– Роды будут легкими, а если нет, то вслед за яйцами я отрежу тебе язык, потом руки, а потом и голову. Подумай над этим, у тебя есть еще время до моего возвращения.

Бедному евнуху ничего не оставалось, как удалиться, а Арзу напугалась и встревожилась, и тогда очень хотела больше верить своему Господину, а не врачу.

Арзу подошла к высокому зеркалу, скинула тонкий пестрый халат и придирчиво осмотрела себя со всех сторон. Живот втянулся, и следов на гладкой шелковистой коже почти не осталось. Ей едва исполнилось семнадцать. Молодое здоровое тело быстро возвращалось в норму, тем более три последних месяца беременности Арзу носила специальное приспособление для поддержки живота по совету старшей жены султана. Да и обслуживать своего Господина в нем было гораздо удобнее: большой живот не мешал Фатиху добираться до всех самых укромных уголков ее тела.

Бедра, конечно, чуть расширились и стали круглее: малыш, когда выходил на свет, раздвинул их своей головкой. Но Арзу решила, что так они выглядят еще привлекательнее. Талия осталась такой же узкой, а вот груди... До беременности они были небольшими, но упругими, с острыми торчащими маленькими сосками, чётко очерченными розово-коричневыми ореолами. Ох, и доставалось же им от Господина! Они как магнитом притягивали его, впрочем, как и все остальные ее прелести. Теперь груди сделались втрое больше и слегка провисали от переполнявшего их молока. Кожа растянулась, стала блестящей и словно прошитой тонкими голубыми ниточками сосудов. Соски расплылись и уже не торчали, но представляли пленительными бордово-красными бугорками.

Теперь над ними днями и ночами трудился сынок и, надо сказать, в своем рвении не уступал отцу. Когда он жадно прикивал к груди и начинал ритмично сжимать еще беззубыми, но твердыми деснами сосок, сладкие волны прокатывались в низ живота, заставляя судорожно сжиматься бедра. В такие мгновения рука Арзу непроизвольно опускалась в заветную ложбинку между ног: все-таки султана не было два месяца, а ее прирученное покорное тело не привыкло так долго оставаться без своего Господина. Но усилием воли Арзу останавливалась: ласкать себя в отсутствие Повелителя не разрешалось. Ее тело ей не принадлежало, оно было предназначено только для Господина, служило для его удовольствий, являлось его собственностью. Арзу могла получать наслаждение лишь с позволения Господина и у него на глазах.

Этот закон, как и многие другие, Арзу усвоила четко; слишком дорого обходилось их нарушение. Фатих видел свою рабыню насквозь и, даже если не был рядом, потом все равно добивался признаний во всех ее маленьких грехах. А за признаниями следовали наказания. Она хорошо знала, что они последуют, но под острым взглядом его темных глаз не имела сил ничего скрывать и, валяясь в ногах Господина, признавалась, признавалась, с трепетом ожидая очередного наказания.

Но это было потом. А тогда...

Арзу в изнеможении опустилась на кровать, прикрыла глаза... Сквозь полуопущенные ресницы ей мерещилось море, в ушах снова раздавался шум прибоя и крики чаек, казалось, маленькие лодочки качались на волнах вдаль, а над головой простиралось огромное синее небо. Она снова была в той, другой – мнилось, что уже не в своей жизни...

Маленький островок в Эгейском море утопал в зелени. Ника исходила его вдоль и поперек. Пока отец и братья ловили рыбу, а мать готовила фету и пекла хлеб, девушка пасла овец, собирала оливки в саду. Ника была единственной дочерью в семье, младшим, самым любимым ребенком. Произведя на свет двоих сыновей, мать молила богов, чтобы они послали ей дочь, и боги сжалились над ней, когда ей было уже больше сорока лет. Родители считали Нику своей победой над судьбой и не сомневались в выборе имени для дочери.

В свои неполные шестнадцать лет Ника была очаровательной девушкой, и многие молодые и взрослые мужчины заглядывались на нее. Прямая походка, гордый профиль, точеные ножки, длинные, слегка вьющиеся волосы, миндалевидные глаза и чувственные пухлые губы – казалось, она словно сошла с небес. Ника знала, что очень хороша собой, но не спешила этим

пользоваться. Она наслаждалась морем, солнцем и относительной свободой, предоставленной ей любящей матерью.

В одно прекрасное утро Ника уже собиралась выгнать на пастбище овец, когда услышала крики со стороны моря. Девушка бегом кинулась на берег. Рыбаки, еще не успевшие отправиться за утренним уловом, побросали снасти, оживленно кричали и показывали руками куда-то вдаль. Ника заметила на горизонте несколько десятков черных точек, которые, стремительно увеличиваясь в размерах, буквально на глазах превращались в турецкие корабли.

Через несколько часов райский уголок стал адом: стонали раненые мужчины, визжали женщины, плакали дети, блеяли овцы, полыхали домики и овчарни. Спрятаться от этого кошмара на маленьком островке было некуда.

Фатих стоял у самой кромки воды, с удовлетворением наблюдая за действием, разворачивающимся у него на глазах. Все-таки не зря он предпринял очередную вылазку на греческие острова, до которых было рукой подать. Мирная жизнь во дворце надоедала ему очень быстро, а верным воинам вообще была вредна. Купаясь в лучах его славы, в промежутках между походами они только и делали, что без меры пили и ели, развлекались с женщинами и очень быстро теряли боевой настрой, превращаясь в бесформенные туши, которым не только воевать, но и двигаться порой бывало лень. Такие, пусть короткие и не очень прибыльные, набеги были необходимы им хотя бы для тренировки, а султан вписывал очередную главу в книгу подвигов династии Османов, создавая основу для новой легенды о своей непобедимости.

Кроме того ему был нужен страх. Не тот подобострастный, мелкий страх, который он видел изо дня в день на лицах своих многочисленных слуг во дворце, а настоящий животный ужас, страх неминуемой смерти, который можно было наблюдать только в такие моменты, как этот. Как истинный завоеватель султан получал от его вида физическое удовольствие, почти эротическое наслаждение. Больше с убогого островка и взять, в общем-то, было нечего.

Чуть поодаль трое его головорезов окружили маленькую хрупкую гречанку. Они выкрикивали похабные ругательства, толкали ее друг к другу, хватали своими огромными ручищами и ржали как лошади. Девушка не кричала и не падала, она только слабо оборонялась, пытаясь оттолкнуть их от себя, но ее сил, конечно, не хватало в борьбе против трех здоровых мужчин. «Как дети», – подумал султан и хотел уже отвернуться, но что-то его остановило. Что-то необычное... Он присмотрелся внимательнее и с изумлением понял, что на лице у девушки не было страха. На нем читались удивление, яростное негодование, неженская сосредоточенность, с которой она отбивалась от нападающих, но страха не было. Видимо, она была в шоке и еще недопонимала или не совсем успела осознать происходящее.

Фатих грубым окриком остановил бойцов и двинулся в их сторону. Те разочарованно загудели, но расступились: возражать султану никто не смел. Он приблизился к девушке. Та, воспользовавшись паузой, пыталась отдышаться и поправить разорванную в нескольких местах тунику, но подняла голову и взглянула на подошедшего с интересом.

Без сомнения, перед ней был сам грозный и кровожадный Фатих, слава о котором расходилась впереди него по островам и далеко за их пределами. Высокий, черноволосый, широкоплечий, довольно красивый, он окинул девушку цепким взглядом и скривил губы в легкой усмешке. Ника смотрела прямо в его черные глаза, не опуская голову и не отводя взгляд.

Нет, он не ошибся. Она смотрела с интересом! Уже давненько ни одна из его многочисленных женщин не позволяла себе так на него смотреть. Все они смотрели со страхом, с собачьей преданностью, с готовностью броситься выполнять любое его желание, а чаще вообще боялись поднять глаза. Интересно, сколько времени ему понадобится, чтобы научить ее правильному поведению? День? Час? Ему вдруг стало весело, и он улыбнулся. Девушка чуть расслабилась.

– Как тебя зовут?

– Ника.

Султан удивленно поднял брови:

– Победа, значит... Ну что ж, звучит заманчиво. Я люблю победы. И всегда добиваюсь их – любой ценой.

Фатих свободно говорил по-гречески, но бедная пастушка понимала не все слова и не слышала в его голосе угрозы. Если бы она могла хоть на секунду представить тогда, что ее ждет...

– На корабль ее, – кивнул Фатих своим воинам и, казалось, потерял к ней всякий интерес.

Он и потерял... до поры до времени. Ему нужно было разобраться с островом. Но мысли о маленькой гречанке почему-то не покидали его. Он предвкушал новое удовольствие, но не торопился. В военных и эротических делах Фатих, будучи настоящим стратегом, не торопился никогда. Поэтому и не проигрывал.

Корабль сильно качало, видимо, он вышел в открытое море. В трюме было темно и грязно, пахло тухлой рыбой и мокрыми веревками, Нику мутило. Она свернулась калачиком в углу и впала в странное оцепенение. Почему-то девушка не думала ни о том, что произошло с мамой, отцом, братьями, ни о том, что ее ждет впереди. Видимо, организм запоздало переживал шок. Время от времени приходил какой-то человек, приносил воду и еду. Ника отрешенно ела и пила и опять впадала в полусонное состояние, глядя в одну точку. Султан не появлялся. Сколько времени заняло путешествие, она определить не могла.

Когда наконец Ника оказалась во дворце, в том самом патио, окруженном стенами, она представляла собой довольно жалкое зрелище. Туника девушки испачкалась и порвалась окончательно, волосы спутались, а сама она была очень бледна. Ника полностью ушла в себя и наблюдала словно со стороны, как двое крепких мужчин передали ее с рук на руки трем женщинам, закутаным до глаз в красивые одежды. Женщины молча увели ее вглубь дворца на женскую половину.

Просторные покои, отделанные мрамором и украшенные великолепными орнаментами, сверкали позолотой. Ника лежала на теплой каменной скамье, воздух наполняли сладкие ароматы, которые успокаивали и завораживали. Ее окружали полуобнаженные рабыни: много ласковых мягких рук прикасалось к ней одновременно. Они сняли с девушки одежду, покрыли тело мыльной пеной от макушки до пяток и начали массировать, сначала нежно, а потом будто сотни мелких иголок тихонько впились в кожу. В свои юные годы, проведенные на бедном острове, Ника не имела понятия о скрабах. Руки были повсюду: в волосах, на лице и даже в самых интимных уголках ее тела. Она не сопротивлялась – наоборот, закрыв глаза, вся отдавалась во власть этих рук. Голова слегка кружилась, и Нике казалось, что она возносится к небу, покачиваясь на волнах блаженства.

Она ощущала на себе то теплые потоки воды, то мягкие полотенца, то душистые скользкие масла. Потом почувствовала, что ноги раздвинуты и согнуты в коленях, ягодицы приподняты, а от лобка до самого укромного места распространяется что-то горячее. Через мгновение резкая боль пронзила ее между бедер и вернула с небес на землю. Ника вскрикнула и инстинктивно сжала ноги. О воске для удаления волос она тоже ничего не знала. Сколько всего ей еще предстояло узнать в этом прекрасном дворце...

Но боль была короткой и быстро прошла – одалиски действовали ловко и умело: почти сразу чувствительная кожа девственного лона перестала саднить, обильно смазанная успокаивающим маслом. То же самое рабыни проделали с ее подмышками, хотя они еще не сильно в этом нуждались. Но таковы правила для женщин в гареме: ни одного волоска не должно быть нигде, кроме головы. Рука мужчины, прикасающаяся к телу женщины, должна ощущать исключительно гладкую, нежную кожу. Тем более если этот мужчина – сам султан Фатих!

Наконец Ника с высушенными и расчесанными волосами, с отполированными ногтями, с умасленными коленями и пятками, одетая в свободные шелковые одежды оказалась на удобном просторном ложе и моментально заснула. У неё в запасе были сутки – для сна, хорошей еды и просто отдыха.

Весь вечер и половину ночи Фатих праздновал победу. Он возлежал на широком мягком диване, окруженный верными женами, которые массировали ему спину и ноги, и наблюдал, как бушуют победители. Слуги сновали без усталости, поднося вина и закуски, звучала музыка, полуобнаженные наложницы исполняли танец живота. Когда под утро воины утомонились и попали с ног от обильных возлияний, султан удовлетворенно откинулся на подушки и задремал. Днем ему предстояло заняться текущими делами – огромная империя требовала управления.

Утром Ника проснулась свежей и бодрой и чувствовала себя отдохнувшей и обновленной. Поданный завтрак поразил ее обилием и разнообразием блюд, о существовании которых она раньше и не догадывалась. Станным образом все произошедшее на острове отодвинулось в сознании куда-то далеко и казалось нереальным. Зато девушка с удовольствием вспомнила вчерашний вечер и подумала, что жизнь во дворце, наверно, не так и ужасна, даже для пленницы. О том, что будет с ней делать султан, она старалась не думать. В конце концов женщины, которые ее окружали, не выглядели замученными или недовольными, только казались излишне молчаливыми. Да и сам султан не произвел на Нику впечатления такого зверя, как о нем рассказывали. Наивная девушка даже не представляла, насколько она заблуждается, как обманчивы ее первые впечатления и какую цену придется платить за жизнь в роскошном дворце.

К вечеру Фатих устал от решения множества вопросов, с которыми к нему бесконечной чередой тянулись подданные, и был весьма раздражен. Ему всегда было легче принимать решения в бою, чем в мирной жизни. Визирь частенько казался ему тупыми пресмыкающимися, не способными и шагу ступить без его указа. Сразу после ужина он решил, что пора подумать об удовольствиях, отправился в свои покои и распорядился привести туда гречанку.

Фатиху исполнилось тридцать семь лет, и за два с лишним десятилетия сотни женщин побывали в его спальне, но каждый раз срабатывавший эффект новизны приводил его в возбуждение. Кроме того, слишком искушенный в эротических делах, с возрастом он становился все более изобретательным и изощренным с женщинами, выдумывая новые и новые развлечения, а неограниченная власть позволяла приводить их в исполнение.

Юная гречанка, очевидно, не познавшая еще ни одного мужчины, будоражила его воображение. Она должна была стать куском воска в его руках, из которого он сможет вылепить все, что угодно. Главное, делать это целенаправленно и последовательно, не позволяя ей задуматься о том, что может быть иначе. Вернее так: вообще не позволять ей задумываться, только беспрекословно исполнять его приказы.

Просто молодое женское тело давно не вызывало у Фатиха бурного всплеска эмоций. Такими телами дворец был буквально набит битком, они находились в свободном доступе в любое время дня и ночи – достаточно просто щелкнуть пальцами. Ему уже была неинтересна обычная тупая покорность, хотелось добиваться и получать ее с помощью грубой силы, через боль и наслаждение находящейся в его власти жертвы, владеть мыслями, эмоциями, сознанием беспомощной в своей слабости женщины, пробуждать в ней чувственность и ответный трепет плоти вопреки ее собственной воле. Фатих, разумеется, осознавал извращенность своих желаний, но не хотел себя ограничивать ни в чем. Да и с чего бы? Ведь именно для этого он добывал средства в своих многочисленных походах – для удовлетворения собственных желаний.

Конечно, он знал, что требуя в спальню рабыню, появившуюся во дворце буквально вчера, нарушает все каноны и вызовет ропот своих многочисленных женщин. Но с некоторых

пор его это мало занимало. Да и перед кем ему отчитываться кроме Аллаха? Фатих понимал, что если девчонка пробудет в гареме определенное время, как предписывали законы, установленные еще его прадедами, там, конечно, научат, расскажут, покажут. И через два-три месяца он получит готовую наложницу, но этого-то он и не хотел, по крайней мере в этот раз. Или именно в этот. Что-то было такое в этой девочке, замеченное им еще на острове, что сейчас он желал – сам научить, добиться и получить. А получит ли? Еще ее имя, такое свободное и гордое, не давало султану покоя. Ника, Победа... Интересно, насколько она соответствует своему имени? Гречанка взволновала его больше, чем он сам был готов себе признать. Султан жаждал победы над Победой.

Рабыни провели закутанную в покрывало Нику через весь дворец на другую его половину и остановились перед богато отделанными двустворчатыми дверями. Ее сердце стучало так, что девушке казалось, будто она слышит эхо, отражающееся от стен.

Незадолго до этого ей пришлось пройти через ряд унижительных процедур – благо производили их все те же рабыни, но это мало успокаивало. Нике промыли задний проход, смазали его каким-то маслом снаружи и внутри – примерно на длину пальца. Это было не больно, но неприятно и непривычно, и девушка занервничала. Потом натерли странной жидкостью соски: они покраснели, сделались напряженными и сильно торчали вперед, их чуть-чуть жгло, так что Ника постоянно ощущала свою грудь. Когда же она увидела наряд, в который ей предстояло облачиться, Ника окончательно пришла в смятение. Теперь, стоя на пороге опочивальни султана, она была близка к панике и хотела только одного – бежать.

Наконец рабыни отворили двери, слегка подтолкнули девушку внутрь и сняли с нее покрывало. Она переступила порог, створки за спиной закрылись с тихим стуком. Бежать было некуда.

Спальня султана оказалась необычайно просторной и хотя достаточно хорошо освещалась расставленными повсюду ароматическими масляными лампами, стены тонули в полумраке и едва угадывались. На полу, сплошь устланном коврами, повсюду в беспорядке валялись шелковые подушки. В самом центре располагалось огромное ложе под роскошным балдахином, края которого были приподняты с одной стороны, обращенной к дверям. Рядом находился низкий серебряный столик с фруктами и вином.

Фатих стоял рядом с ложем, широко расставив ноги, и смотрел на девушку в упор. Плотный балдахин скрывал султана, поэтому Ника не сразу его заметила. Правитель империи был облачен в длинный шелковый халат, распахнутый на широкой груди, заросшей густыми черными волосами. «И правда, как у зверя», – все больше робея, подумала девушка.

– Подойди ближе.

Его голос заставил ее вздрогнуть, тело покрылось мурашками. На негнущихся ногах Ника шагнула вперед и замерла посередине между дверьми и ложем.

– Опusti руки.

Она и не заметила, что неосознанно прикрывает ладонями грудь. Ника медленно опустила руки вдоль тела, стараясь не смотреть на Фатиха. Куда угодно, только не на него. Сейчас она в полной мере ощутила себя совершенно голой, выставленной напоказ для одного мужчины, который не сводил с нее оценивающего взгляда, как с овцы на рынке в базарный день. Ника кожей чувствовала этот взгляд и очень хотела провалиться куда угодно, хоть в ад, только бы от него избавиться.

Фатих рассматривал девочку с большим интересом и удивлением. Гарем хорошо потрудился для него – гречанку было не узнать. Ее густые светлые волосы, собранные в высокий хвост, ниспадали отдельными локонами на лицо, открывая длинную точеную шею. Упругая

маленькая грудь была едва прикрыта лифом из тончайшей кисеи, сквозь которую явственно проступали возбужденные соски. Бедра охватывал широкий пестрый пояс, полностью обнажающий узкую талию и аккуратный пупок. Сзади пояс заканчивался точно над круглой попкой, а спереди спускался углом к самому лобку, начисто лишенному волос. Вниз от пояса расходилась волнами все та же прозрачная кисейная ткань, сзади длиннее, спереди чуть короче, лишь покрывающая слабой дымкой, но абсолютно не скрывающая стройные ножки и то, что находилось между ними. Узкие запястья и щиколотки подчеркивали тонкие браслеты. Больше на Нике ничего не было.

Султан не торопился, с удовольствием любуясь своей новой пленницей и давая ей возможность в полной мере «насладиться» процессом смотрин. Девчонка была совершенно скованна, но просто чертовски хороша! Теперешнее состояние юной гречанки не имело ничего общего с тем, что он наблюдал на острове, когда отобрал ее у своих воинов. Тогда она казалась дикаркой и была распалена борьбой. Сейчас же, хотя и пыталась изо всех сил выглядеть спокойной, просто излучала панику и беспомощность, которые, передаваясь Фатиху буквально по воздуху, вызывали сладкие спазмы в паху. Она старалась не смотреть на него, но не опускала глаза, просто отворачивалась в сторону, и ему не было видно выражения ее лица. А очень хотелось...

Фатих подошел к Нике вплотную, взял за подбородок и повернул к себе прекрасное личико. Их взгляды встретились. Ожидание, настороженность дикого животного, готовность к действиям, к возможному отпору, и вместе с тем какое-то отчаянное любопытство – страха по-прежнему не было! Он не ошибся в своих предположениях и просто упивался этим взглядом. Возбуждение стремительно нарастало в нем одновременно с ликованием. Ну, что ж... как долго?

Он осторожно, почти ласково провел пальцами по ее щеке, по плотно сжатым губам, по шее, неторопливо опускаясь ниже, и наконец коснулся твердого соска сквозь тонкую ткань лифа. Девочка слегка дернулась и задрожала.

О, как он хотел немедленно, прямо сейчас и здесь, на ковре, поставить ее на колени и раскрыть эти пухлые губы своим возбужденным членом, войти целиком до горла и двигаться, глядя в эти глаза, которые сразу наполнятся ужасом и слезами, слушая хрипы и ощущая влажный язык на обнаженной головке. Но нет! Это был бы слишком быстрый и обыденный финал. Все должно быть иначе, не так, чуть позже.

Продолжая удерживать ее лицо, султан по-прежнему не отводил взгляда. Его пальцы, на мгновение замерев на груди, медленно следовали вниз по обнаженному телу. Он коснулся живота, пупка, затем, раздвинув ткань юбки, шелковой кожи бедра ближе к тому месту, где ноги были плотно сомкнуты.

Никую трясло, она с большим трудом сохраняла самообладание.

– Раздвинь ноги.

Ника застыла, не в состоянии пошевелиться. Рука султана переместилась с подбородка на шею и слегка сжала горло. У Ники сбилось дыхание, она приоткрыла рот, пытаясь вдохнуть.

– Ты плохо слышишь? Я не привык повторять дважды.

Она опять не отреагировала, только задышала чаще.

В следующий миг сильный удар ладонью по скуле сбил ее с ног, и она упала на пол в мягкие подушки, подвернув руку. Ника задохнулась от неожиданности и обиды, на глаза навернулись слезы, щека запылала огнем. Она лежала в крайне неудобной позе, раздвинув ноги. Тонкий лиф сполз с одной груди, юбка распахнулась, обнажая все ее прелести. Девушка была ошарашена, все смешалось и перепуталось в ее прекрасной голове.

Конечно, Ника понимала, что встреча с султаном неизбежна. Не то чтобы она совсем не представляла, что будет происходить в его спальне. Все же она выросла на свободном острове,

часто наблюдала, как совокупаются овцы в отаре, кое о чем шепталась с подружками, а мама рассказывала ей о большой любви, от которой рождаются красивые дети, такие, как она сама. Но все это больше походило на сказки о взрослой жизни из далекого будущего, от которых сладко замирало сердце и слегка увлажнялось между ног. На самом деле она понимала, что в первый раз будет больно и, наверно, страшновато, но надеялась, что опытный Фатих не обидит ее и постарается все сделать бережно и аккуратно. Она готовилась, но оказалась совершенно неготовой к тому, что происходило с ней сейчас наяву.

Ника попыталась приподняться, но султан уже подошел к ней и властно поставил ногу в красивой туфле на ее обнаженный живот, заставив обессиленно откинуться на подушки.

– Надеюсь, теперь ты слышишь гораздо лучше. Так слушай, иначе твое личико быстро растеряет красоту. Я ничего не повторяю дважды и очень тебе советую всё запоминать сразу, для твоего же блага. Все, что я приказываю, нужно выполнять быстро и беспрекословно. Ты теперь моя собственность, и твоя дальнейшая жизнь зависит только от меня. Решать, какой она будет, и будет ли вообще, могу только я. Все, что тебе нужно делать – это очень хорошо исполнять мои желания. Отныне я твой единственный Господин и Повелитель. Ника осталась на острове, в прошлой жизни, о которой придется забыть. С этой минуты ты Арзу – желание, исключительно мое желание!

По мере того, как он говорил, Ника теряла жалкие остатки самообладания. Она лежала неподвижно, сглатывая пересохшим горлом вдруг ставшую вязкой слюну. Крупные слезы катились из глаз, губы дрожали, и каждой клеточкой тела она чувствовала, как мерзкий липкий страх проникает в нее и леденит изнутри. Страх за свою жизнь, страх перед болью, которую, в этом Ника уже убедилась, он мог причинить ей в любую минуту. Она мгновенно поняла, что единственная возможность избежать боли – это всеми силами постараться как можно реже вызывать его гнев.

– Ты все поняла?

Ника неуверенно кивнула. Она уже перестала думать о своей наготе и только напряженно ожидала следующего удара.

– Я не слышу. Отвечай, когда тебя спрашивает твой Повелитель!

– Да, – она еле выдавила короткое слово онемевшими губами.

Удара не последовало. Султан, удовлетворенный ответом, медленно убрал ногу с ее живота. Ника осталась лежать на ковре.

По мере того, как он говорил, Фатих откровенно наслаждался видом притихшей девочки. Такие красивые слезы на черных длинных ресницах, дрожащие и такие манящие губы! И вот он, тот самый страх, который он жаждал увидеть на этом прекрасном лице. И так быстро! Пожалуй, даже неожиданно быстро. А ведь он еще толком и не прикасался к ней. Разумеется, он тщательно рассчитал силу удара, чтобы не покалечить ее, и внимательно проследил за падением, чтобы она ненароком не ударилась обо что-то головой. Девочка больше перепугалась от неожиданности, чем от боли, но этого оказалось достаточно. Да и речь Фатиха довершила дело. Он хорошо знал, что умеет говорить так, что его голоса и интонаций пугаются и куда более смелые люди. Очередная Победа, так необычайно легко доставшаяся ему, лежала, почти нагая, распластанная у ног, и была так притягательна в роли побежденной. Султан предвкушал, что еще много чего получит от этой победы.

– Ну, что ж, надеюсь, ты будешь послушной девочкой. Я научу тебя, как доставлять удовольствие своему Господину!

Фатих отвернулся и неторопливо направился к столику, налил в бокал немного вина, сделал, смакуя, пару глотков, положил в рот виноградину.

Ника лежала в той же позе, боясь пошевелиться. Все ее чувства замерли. Казалось, он забыл о ней и думал о чем-то своем, но она понимала, что это не так, и еще вдруг, в один миг, осознала, что ее настоящая жизнь во дворце только началась. Наконец он медленно, очень медленно (или ей это тоже казалось?) обернулся.

– Встань!

Она поспешно поднялась, юбка скользнула вниз по бедрам, но съехавший лиф так и прикрывал лишь одну маленькую грудь; поправлять его Ника опасалась.

Султан поставил бокал и вернулся к девушке. Она выглядела такой ошарашенной и растерянной, что Фатих еле сдерживал улыбку и... желание. Одним движением он сорвал с нее кисейный лиф и бросил на ковер, взял девушку за запястье.

– Иди за мной!

Ника повиновалась беспрекословно. Он увлек ее вглубь спальни, в полумрак, слегка подтолкнув лицом к дальней стене почти вплотную.

– Подними руки!

Через пару мгновений она почувствовала, что руки привязаны к стене мягкими кожаными ремнями.

– Раздвинь ноги!

Теперь она хорошо, даже очень хорошо слышала!

– Шире!

На лодыжках тоже появились ремни, и Ника поняла, что распята, надежно зафиксирована и не сможет оказать никакого сопротивления. Впрочем, такого стремления не возникало. Фатих резко дернул кисею юбки, и она оторвалась с тихим треском. Ника осталась в одном широком пестром поясе.

Перед глазами была серая стена, Фатих находился сзади. Ника не могла его видеть и не понимала, что он намеревается делать дальше. Из-за этого, а также от осознания собственной наготы, обездвиженности и полной беспомощности отступивший ненадолго ужас нахлынул на нее с новой, удвоенной силой.

Фатих, отлично понимая состояние девушки, на некоторое время замер, оставив ее в полном неведении один на один со стеной. Он любовался созданной живой картиной и, глубоко вдыхая наполненный благовониями воздух, упивался собственными ощущениями, стараясь усмирить возрастающее нетерпение плоти. Интересно, какая чувственность таится в этой маленькой девочке? Султан знал, что если ему удастся разбудить и приручить ее чувственность, то, добавив немного боли и страха, он получит самую преданную и покорную рабыню. А значит, нужно набраться терпения. Фатих играл сам с собой.

Когда все ее чувства обострились до предела, надрывно пел каждый нерв, а широко открытые глаза различали в полутьме самую мелкую трещину на стене, Ника ощутила прикосновение его пальцев к шее чуть ниже волос. Она невольно вскрикнула, дернувшись всем телом, как норовистая лошадь. Крупная дрожь прошла по коже от шеи до пяток. Руки султана сначала легко, потом более настойчиво, изучали каждый дюйм ее тела, скользя по спине, по узкой талии, по бедрам, животу, по возбужденной от неизвестного снадобья груди.

Фатих, держа в ладонях маленькие трепещущие груди, сильно сжал пальцами твердые соски. Девочка выгнулась назад, издав глубокий животный стон, часто задышала, и над ее повлажневшей верхней губой выступили мелкие капельки пота. Повелитель молчал.

Никому трясло от страха, боли в чувствительных сосках и чего-то еще, совершенно непонятного, поднимающегося снизу живота теплой волной вверх, к горлу, заставляя замирать сердце.

Наконец он разжал пальцы, и они продолжили движение, теперь направляясь вниз под красивый пояс, далее по внутренней поверхности широко разведенных бедер, к коленям,

которые вдруг ослабели; Ника почти повисла на ремнях. Султан убрал руки и вновь оставил девушку наедине с самой собой. Она пыталась отдышаться и сосредоточиться, когда услышала над ухом его властный голос:

– Как тебя зовут?

От неожиданности замерла, но тут же вспомнила удар, сбивший ее с ног, и прошептала:

– Ника.

Новый удар ладонью девушка получила по ягодице и стукнулась об стену лбом и животом.

– Арзу! – теперь она почти кричала.

– Умница! Ты быстро учишься!

Фатих уже нежно гладил место удара, и она чуть расслабилась, хотя кожа там словно горела. Оказалось, напрасно, так как сразу же сильные руки довольно резко развели в стороны ее ягодицы, обнажив блестящее от масла отверстие. Фатих надавил на него пальцем, слегка проникнув внутрь.

Ника, или Арзу, уже сама не понимая, кто она, инстинктивно сжалась и сразу же получила следующий удар по другой ягодице. Девушка застыла, вспыхнув от мучительного стыда, будучи не в силах больше сдерживать слезы. Они текли по щекам, по подбородку, капали на торчащие болезненные соски.

– Не надо, пожалуйста, – простонала она, захлебываясь слезами унижения и не имея возможности их вытереть.

– Здесь я решаю, что надо, а что не надо, – его голос стал хриплым, – расслабься!

Она хотела, она очень старалась расслабиться!

Его палец медленно пробирался все глубже и глубже, расширяя отчаянно сопротивляющуюся плоть. Девочка молчала, видимо, смирившись. Выпуклые ягодицы розовели отпечатками его ладоней. Когда Фатих начал движения туда и обратно, она застонала, всхлипывая, и это был явно не стон боли. Тогда он просунул другую руку спереди, между ней и стеной.

Ника ощутила мягкие прикосновения у себя в паху, но почему-то уже не испытывала ни стыда, ни унижения. Властные пальцы Господина раздвинули ее нежные губки. Непонятная волна в животе опустилась вниз и начала собираться в одной точке, заглушая боль в сосках и ягодицах. Теперь точно Арзу, а не Ника, сосредоточенно следила за ней. В следующую секунду Фатих нажал пальцем прямо в точку концентрации этой волны, и она мощной лавиной выплеснулась наружу.

Ее крик, переходящий в хрип, отразившись от стен, наполнил зал гулом. Язычки пламени заплясали в лампах, ломая пространство и отбрасывая причудливые тени.

Еще несколько мгновений Фатих не вынимал палец из заветного отверстия сзади, с наслаждением чувствуя, как уже неконтролируемые девочкой спазмы часто-часто сжимают его. Ее тело свело судорогой. Все! Больше он не мог на это смотреть, да и не хотел!

Ремни на руках и ногах затянулись туго, пришлось с ними повозиться чуть дольше, чем он рассчитывал. Наконец освобожденная во всех смыслах Арзу рухнула на колени прямо к его ногам. Султан потянул ее за пушистый хвост, она безвольно запрокинула голову: лицо залито слезами, глаза широко открыты, блуждающий полубезумный взгляд. «Не может быть, – подумал он, – с девочками так не бывает...» Мысль запуталась, а потом и вовсе все мысли исчезли.

– Открой рот.

Она безропотно повиновалась.

И он наконец сделал это. Внушительных размеров изнывающий член скользнул по розовому языку в самое горло. Он продолжал держать девушку за волосы, сильно отклоняя ее голову назад.

– Укусишь – убью, – все, что он успел прохрипеть.

Она поперхнулась, глаза вылезли из орбит, чуть сомкнула губы. Свободной рукой Фатих гладил ее шею от подбородка вниз, предотвращая рвотный рефлекс, и уже не мог остановиться. Тугая струя семени ударила слишком сильно для такой неопытной девочки.

– Глотай, детка, глотай, – почти нежно прошептал он, слегка сжав ее горло.

Арзу, сделав несколько глотков, издала булькающий хрип и потеряла сознание.

Сквозь опущенные ресницы в глаза пробивался свет: за высокими окнами давно начался день. Ника подумала, что проспала, ведь овечкам пора на пастбище. И почему мама не разбудила ее? Девушка сладко потянулась и внезапно почувствовала ноющую боль во всем теле. Резко открыла глаза: она лежала на ковре в большом зале, прямо перед ней высилось ложе султана.

Воспоминания о минувшей ночи разом обрушились на нее, она порывисто села, но сразу же задохнулась от боли в горле и упала обратно на ковер. Опасливо поднесла руки к шее и, ощупав ее, застыла от ужаса: на нее был надет кожаный ошейник! От ошейника тянулась железная цепь куда-то к ложу султана. Эта цепь и не давала ей подняться. Ника обвела взглядом свое тело, насколько это было возможно: на руках и ногах виднелись розовые следы от ремней, на животе ссадина от шершавой стены, на одной груди небольшой синяк, а соски слегка побагровели; что-то, засохшее на щеке, сильно стягивало кожу.

Девушка поняла, что она, совершенно голая, провела ночь на полу у ложа султана, на цепи, как дворовая собака, и даже не могла вспомнить части этой ночи! «Ну что ж, Арзу, добро пожаловать в новую жизнь!» – горько подумала она и заплакала от унижения и жалости к себе.

Однако слезы не изменили ситуации, очень хотелось пить, а организм потребовал отправления естественных надобностей. Девушка осторожно поднялась на четвереньки, проползла к ложу по направлению натянутой цепи, теперь у нее получилось сесть – встать на ноги цепь не позволяла. Ника огляделась: Фатиха не было. Впрочем, никого не было: посреди огромной спальни она была совершенно одна. На серебряном столике по-прежнему лежали фрукты и стоял кувшин с вином, но достаточно далеко, чтобы цепь дала возможность до него добраться. Ей удалось дотянуться пальцами только до кисти винограда, свисающей из красивой вазы, и она положила несколько ягод в рот. Жажда ненадолго отступила.

Некоторое время девушка сидела неподвижно, не зная, что теперь должна делать. Но жидкость из тела настойчиво просилась наружу, и она начала озираясь по сторонам, с ужасом понимая, что скоро не сможет терпеть, и ей придется сделать это прямо на ковер перед ложем султана. Из глаз опять потекли мерзкие слезы, теперь от бессилия. «Может, позвать на помощь?» – размышляла она, но было страшно и стыдно. О том, чтобы попытаться отстегнуть цепь от ошейника, Ника даже не подумала: первый урок султана она выучила отлично!

Наконец большие двери распахнулись, и появились рабыни, которые вчера вечером привели ее сюда. Ника представила, как ужасно выглядит, и готова была провалиться сквозь землю от позора, но вошедшие одалиски, казалось, не обращали на это никакого внимания. Молча, опустив глаза, они приблизились к девушке, ловко отстегнули цепь (оказалось, она соединялась с ошейником маленьким замочком, открыть без ключа который было невозможно) и помогли ей подняться на ноги, оставив однако ошейник с болтающимся замочком на шее. Ника решила, что они отведут ее обратно в роскошные мраморные покои, где она провела свою первую ночь во дворце, обрадовалась, но опять ошиблась! Рабыни повлекли девушку вглубь спальни. Только теперь она заметила в углу еще одну маленькую дверь и вдруг поняла, что одалиски не принесли для нее никакой одежды. Сердце, в который уже раз, глухо застучало. Что будет дальше?

За дверью скрывалась небольшая, сумрачная, унылая комната без окон, с серыми шершавыми стенами – полная противоположность опочивальне Повелителя. У стены стояла узкая кровать, больше похожая на топчан, без подушек и одеял. Другой мебели в комнате не было. В

стену над кроватью было вбито большое железное кольцо, от которого (опять!) тянулась длинная цепь. Ее второй, свободный, конец небрежно валялся на полу. «Наверное, так выглядит темница», – подумала девушка, которая, живя на свободном солнечном острове, про темницы знала только из сказок.

Тем временем рабыни обыденно делали свое дело. Нику напоили водой, у нее появилась возможность справить естественные надобности. Ей стало значительно лучше, а после всех процедур, произведенных с телом, девушка и вовсе пришла в себя. Она опять была вымыта и благоухала терпкими ароматами с примесью мускуса, волосы расчесаны, запястья, лодыжки и грудь смазаны успокаивающими маслами. Только во время манипуляций с задним отверстием Ника явственно его чувствовала и инстинктивно сжимала ягодицы: оно «помнило» прошедшую ночь. Рабыни быстро убрали следы своей деятельности, пристегнули цепь к ошейнику и бесшумно исчезли.

Ника, абсолютно голая, осталась стоять посреди комнаты. Тяжелая цепь сильно тянула шею, но зато позволяла передвигаться по всему, весьма скромному, пространству «темницы». Девушка растерялась. На теплом острове Ника носила мало одежды, но полностью обнаженной ей никогда не доводилось быть просто так, только в бане с мамой. В доме жили братья и отец, поэтому даже спать приходилось в тунике. Она чувствовала себя неуютно, непривычно, но вместе с тем какие-то новые ощущения зарождались у нее внутри. Ника поняла, что вслушивается в свое тело, и нельзя сказать, что это ей не понравилось.

Она тихонько прошла к кровати и присела на краешек. Длинную цепь ей пришлось придерживать рукой и почти волочить за собой, чтобы не травмировать шею. Вдруг прорезался зверский голод. Как по мановению волшебной палочки, дверь в ее пристанище снова открылась, те же рабыни внесли блюдо с закусками, поставили его на пол к ее ногам и молча удалились.

Судьба продолжала преподносить девушке сюрпризы: значит, и есть ей придется на полу, лакать, как собаке из миски?! Предательские слезы опять навернулись на глаза, но Ника смахнула их руками. Она решила больше не плакать, во что бы то ни стало. Какой в этом смысл? Глаза и так уже опухли, слишком много слез пролила она в последнее время. «А опухшие глаза вряд ли понравятся Господину», – подумала она неожиданно для себя и испугалась, а потом горько усмехнулась:

– Ешь, Арзу, – сказала вслух, – тебе понадобится еще очень много сил, чтобы жить.

Девушка опустила на пол и принялась за пищу.

От еды и чувственных ароматов, которые источало тело, у Ники слегка закружилась голова, и захотелось прилечь. Она добрела до кровати и свернулась голым клубочком на боку, отвернувшись к стене. Ника как будто витала где-то посередине между сном и реальностью, и все события ночи с султаном начали явственно проступать в ее сознании.

Она вновь стояла перед ним: полуобнаженная, в прозрачной кисейной юбке с пестрым поясом, с позвякивающими на руках браслетами, чувствовала ремни на запястьях и его пальцы на своей шее и груди, потом ниже... Память странным образом услужливо стирала и пропускала моменты, когда он наносил ей удары.

Внизу живота опять медленно нарастала горячая волна, и сердце сбивалось с ритма. Вот она перед ним на коленях, и он резко запрокидывает ее голову назад. На этом месте воспоминания путались... Она постаралась вспомнить, как выглядит его член, и не смогла. Зато отчетливо различила его вкус на языке и на влажных от слез губах.

Сейчас ни ужаса, ни отвращения Ника не ощущала. Из паха по плотно сжатым бедрам прошла легкая судорога. Плохо понимая, что и зачем делает, девушка засунула ладонь между бедер: там было тепло и очень влажно, почти мокро, а нежные губки затвердели и распухли,

как будто тоже долго плакали, как и глаза. Она вспомнила, как Фатих нажал на одну какую-то точку там, а дальше...

Ей было очень хорошо и спокойно. Теплая волна, как прибой родного моря, накатывала раз за разом, смывая стыд и унижения, которые ей пришлось испытать, и она купалась в этой волне, абсолютно счастливая, радостная и свободная.

Фатих сидел в центре дивана, в палате со сводчатым потолком, в окружении своих многочисленных визирей, которые держали совет, и им постепенно овладевало глухое раздражение. Обсуждались вопросы по управлению частью завоеванных ранее земель и по распределению казны, а именно тех статей, которые шли на содержание армии и дворца. Также визири подводили итоги вылазки на греческие острова, сходясь во мнении, что этот поход принес казне только убытки.

В который раз султан поражался тупости и политической недалекости своих якобы единомышленников. Их, как всегда, интересовали исключительно деньги. Они отказывались понимать, что власть и авторитет измеряются не только золотом. Не пытались заглядывать в будущее хотя бы на один шаг, довольствуясь тем, что имеют, боясь малейшего риска.

Фатих слегка поморщился, как от зубной боли, и чуть опустил веки. Перед глазами некстати всплыл его основной «доход», привезенный с греческого острова и оставленный им утром в своих покоях. «Интересно, как она?» – подумал султан. Когда девочка лишилась чувств, он грешным делом подумал: не слишком ли перестарался для первого раза? Но потом, убедившись, что она дышит и что обморок перешел в глубокий сон, успокоился.

В первый момент у Фатиха возникло желание уложить ее на ложе рядом с собой, но оно сразу же его насторожило. Не слишком ли сильный трепет вызывала в нем эта маленькая гречанка? Он будет держать себя в руках; ее дальнейшее обучение обещало еще немало приятных, будоражащих воображение сюрпризов. Главное – не торопиться! И все же он не вызвал рабынь, а бережно уложил ее на ковер возле ложа, правда, пристегнув на цепь, опять же в воспитательных целях.

Ему никак не удавалось сосредоточиться на вопросах, которые пытался решить совет, и отвлечься от воспоминаний о прошедшей ночи. Она вновь стояла перед ним: полуобнаженная, в прозрачной юбке из тонкой кисеи, с позвякивающими на руках браслетами. И вновь излучала панику и беспомощность. Как же удивительно хороша она была в этот момент! Да и в последующие тоже...

Султан невольно улыбнулся. Внимательно наблюдающий за мимикой Повелителя зал, на время притихший, заметив его улыбку и восприняв как одобрение, забурлил с новой силой. Фатих открыл глаза и поднялся с дивана.

– На сегодня довольно! Главное – не торопиться с решениями, – произнес он вслух, – завтра я подпишу все необходимые указы!

Облегченно выдохнув и не переставая кланяться, приближенные в мгновение ока покинули зал. Быстрым шагом Фатих направился в свои покои, попутно приказав подавать туда ужин и прислать рабынь, которые обслуживали Арзу.

Ника купалась в теплом, таком родном, море, и ласковое солнце приятно согревало кожу. Она вышла из воды на берег абсолютно нагая, словно Афродита, вновь явившаяся из пены, наклонилась, чтобы поднять тунику, но ее не оказалось на месте. Девушка оглянулась по сторонам в поисках одежды, но нигде ее не увидела. В это время солнце заслонила небольшая тучка, и с моря подул свежий ветерок. Мокрое тело покрылось гусиной кожей, Ника зябко поежилась и... проснулась на узком топчане, в ошейнике, прикованная цепью к стене.

Одежды действительно не было, и тело действительно покрылось пупырышками. Было прохладно и темно, очень слабый свет пробивался откуда-то сверху, так что Ника с трудом

различала очертания двери в противоположной стене. Она не знала, как долго спала, день сейчас или ночь. В сером помещении без окон совершенно терялось ощущение времени.

Чтобы немного согреться и размять затекшее тело, Ника поднялась и прошла по своей келье, продолжая таскать за собой тяжелую цепь. Почти сразу же появились рабыни. Откуда они знают, что она проснулась? Ника не догадывалась, что за ней ведется постоянное наблюдение через хорошо замаскированные тайные отверстия в стенах. Одалиски принялись за свою обычную работу, и хотя Ника уже привыкала – не могла полностью избавиться от мучительного стыда, когда справляла нужду в их присутствии или раздвигала ноги для омовений.

На этот раз рабыни одели Нику в совсем странный наряд. Впрочем, и нарядом это нельзя было назвать, скорее сбруей или упряжью. Кожаная сетка, сплетенная из тонких ремней, плотно обтягивала тело и заканчивалась чуть ниже талии. Через ее довольно крупные ячейки выпукло проступали груди, а соски попали точно в отверстия и торчали наружу, обрамленные ремешками. На руках и ногах теперь были широкие браслеты из кожи с прикрепленными металлическими кольцами, на шее по-прежнему ошейник. Волосы собраны в высокий хвост и тоже переплетены узким кожаным ремешком.

Оставшись в одиночестве на цепи, Ника почувствовала себя лошадьёю, снаряженной в поход и ожидающей на привязи седока, разве что без седла и стремян. Ремни чувствительно впивались в нежную кожу, сковывая движения и причиняя легкую боль. Занятая собственными ощущениями, она не заметила, как дверь за её спиной, ведущая в спальню султана, тихо открылась.

Ему очень хотелось услышать еще один доклад, который сейчас казался, пожалуй, интереснее, чем вопросы казны. Одалиски робко вошли в покои султана. Он небрежно махнул рукой, подзывая их к себе. Одна из девушек, склонившись почти вдвое, приблизилась к Господину и тихо заговорила. Она запинаясь и не могла подобрать слов, смущенно отворачиваясь в сторону, но Фатих нетерпеливыми жестами требовал продолжения, задавая вопрос за вопросом.

Он слушал и не верил своим ушам! Его маленькая девочка, которая и женщиной-то еще не стала, ласкала себя после проведенной с ним ночи, а он-то думал, что...

Еще раз переспросив рабыню и убедившись, что все понял правильно, Повелитель отправил девушек вон. Серебряный столик был накрыт к ужину, но Фатих, возбужденный услышанным, решил, что ужин подождет. Задумчиво глотнув вина, султан решительно направился к Арзу, прихватив кожаную плетку. «Продолжение урока ей просто необходимо», – произнес он мысленно. «Тебе необходимо!» – ехидно ответило сердце, отсчитывая частые глухие удары.

– Разве я не объяснил, что твое тело существует лишь для моих удовольствий?!

От неожиданности Ника вздрогнула и резко обернулась на голос. Цепь больно дернула шею. Султан стоял в проеме двери, прислонившись плечом к косяку. Он был одет в черные шаровары с шелковым поясом и кипенно-белую свободную рубашку, наполовину обнажавшую волосатую грудь. В его глазах полыхал адский огонь, а в руках Ника увидела...

«О, боги, нет!» – одного мгновения ей хватило, чтобы понять, что ее ждет дальше!

– Ну, же! Отвечай, когда тебя спрашивает твой Господин!

– Да! Да!

Ника рухнула на колени, надеясь вымолить прощение, но не успела. Первый удар плетки пришелся по оголенным соскам, девушка взвыла и закрыла руками грудь. От следующего удара вспыхнули огнем ягодицы. Ника повалилась набок прямо на каменный пол, подтягивая колени к животу, пытаясь свернуться в крохотный клубок и занимать как можно меньше места. Многочисленные ремешки плетки, казалось, доставали до всех частей ее тела одновременно. Ника

кричала и плакала, стараясь прикрыться, увернуться от ударов, схватиться за плетку и за руку султана, чтобы остановить экзекуцию.

Ника кричала и плакала, а в голове Фатиха звучал ее вчерашний крик – единственный крик наслаждения. Его девочка, его Арзу, кричала от боли и от наслаждения совершенно одинаково, и это мутило рассудок и скручивало судорогой пах. «Остановись, – приказал себе султан, – она уже готова на все».

Он опустил плетку и отошел на пару шагов, чтобы посмотреть на нее со стороны. Маленькая гречанка стонала и корчилась на цепи, и выглядела такой беззащитной и несчастной, и наряд из кожаной сетки так не вязался с ее обликом, что сердце Фатиха замерло и провалилось куда-то вниз.

В ее расширенных от ужаса, полных слез глазах, обращенных к нему, он видел свое отражение и мольбу о пощаде. В это мгновение, внезапно и неожиданно, его озарила уверенность, что никогда он не сможет причинить ей настоящего вреда, что, напротив, очень хочет взять ее на руки, утешить, целовать до умопомрачения и любить безостановочно до утра. Султан уже и не помнил, когда это чувство, называемое нежностью, посещало его в последний раз. «Поздравляю, урок окончен», – опять издевательски заныло сердце.

Фатих отбросил плетку и наклонился к девушке. Ника испуганно дернулась и выставила перед собой скрещенные руки для защиты. «А теперь попробуй сделать так, чтобы она тебя полюбила, а не только боялась – это урок посложнее», – подумал султан. Одним ловким движением он отстегнул цепь от ошейника и поднял Арзу на руки. Она не сопротивлялась, только тихонько всхлипывала и дрожала всем телом, которое, казалось, разом оставили силы. С трудом сдерживая желание отыметь ее немедленно всеми мыслимыми способами прямо здесь, на полу, Фатих открыл ногой дверь в свои покои.

Ника полулежала на ковре перед ложем султана, там же, где проснулась накануне утром, и затравленно и настороженно следила за ним взглядом. Ее нежная кожа горела от ударов плеткой, а мысли расползались, как змеи. Она пыталась предугадать его дальнейшие действия и боялась сделать малейшее движение, чтобы ненароком опять не вызвать его гнев.

Фатих сидел на краю своего роскошного ложа, отрезал огромным охотничьим ножом куски мяса с блюда, отправлял их в рот прямо с ножа, запивал вином из серебряного кубка и неторопливо жевал. При этом он не сводил с девушки глаз, слегка склонив голову набок, как бы оценивая и прикидывая, что с ней делать дальше.

Вид страшного ножа вызывал у Ники содрогание. Она боялась поднять голову и взглянуть Повелителю в глаза, но, если бы взглянула, то увидела бы в них веселые пляшущие черные огоньки и нечто такое странное, что точно не было гневом.

Наконец Фатих закончил трапезу и, не выпуская из рук ножа, потянулся к девушке. Арзу страшно закричала и, в мгновение ока вскочив на ноги, бросилась вглубь покоев. Она вжалась спиной в серый, скрытый во мраке угол и почти перестала дышать.

От неожиданности ее Господин замер, затем медленно перевел взгляд на собственную руку с ножом. «Идиот, ты, сам того не желая, напугал ее до смерти!» – Фатих еле сдерживал смех. Неужели глупая девочка решила, что он собирается ее зарезать?! «С другой стороны, а что она должна была подумать?! Тебе хотелось получить ее настоящий страх – так получай! Ты же этого добивался?»

Очень осторожно Фатих положил нож на ковер. Из угла не доносилось ни звука, хотя султан готов был поклясться, что слышит удары ее сердца. В наступившей гнетущей тишине его голос прозвучал немного хрипло и совсем не угрожающе:

– Арзу, не бойся, иди ко мне. Иди, девочка, я не причиню тебе вреда. У меня в руках ничего нет, вот, смотри.

Султан широко развел руки, повернув их открытыми ладонями в угол. Маленькая хрупкая трясущаяся фигурка появилась из сумрака, тень от нее дрожала на стене сильнее, чем она сама. Новая волна нежности накрыла Фатиха с головой, во рту пересохло. Он встал, но не двигался с места и не опускал рук, ожидая, пока она подойдет ближе.

Арзу медленно шла к своему Повелителю, желая только одного – жить! Как угодно, пусть на коленях, на цепи, как собака, готовая броситься по первому зову хозяина исполнять его прихоти. Она очень устала бояться. Все ее прочие чувства – боль, стыд – притупились и отошли далеко вглубь сознания.

Приблизившись к султану, Арзу упала на колени и поползла к его ногам. Она целовала его ступни, бессвязно умоляя не убивать ее, обещала, что будет очень-очень послушной, клялась, что согласна на все, что он только пожелает, что будет очень стараться быть хорошей, очень хорошей, самой лучшей его рабыней!

Фатих смотрел сверху на девушку, распростертую у ног, и думал, как странно, благодаря нелепости с ножом получил то, что хотел, но тогда, когда это было ему уже не так нужно. Разворачивающаяся перед ним красноречивая сцена слепой покорности очередной жертвы, вызванной животным страхом смерти, почему-то не тешила его самолюбие, как прежде. Вернее, тешила, конечно, возбуждала, вызывала прилив мужского желания, но он хотел от этой девочки больше, гораздо больше. Он хотел ее любви, ее чувственности больше, чем страха, и понимал, как теперь далек, очень далек от этого.

Сейчас Фатих мог без труда, воспользовавшись ситуацией, окончательно растоптать ее волю, превратить девушку в прах, в тупое податливое существо, в куклу для реализации своих самых порочных и грязных помыслов. Но вместо этого он вдруг опустился перед ней на ковер, одним рывком поднял и изо всех сил прижал к себе двумя руками измученное девичье тело. Фатих нежно целовал тонкую шею, мочку розового ушка, пушок волос, выбившихся из хвоста, ямочку на плече, ни на секунду не ослабляя крепких объятий.

Арзу постепенно успокаивалась, ее голова обессиленно опустилась на плечо Господина. Со все возрастающей внутренней дрожью он ощущал слабое дуновение ее дыхания на щеке, упирающиеся в грудь твердые соски, плоский живот, ласкающий сквозь тонкую ткань шароваров его восставший член. Почти потеряв способность мыслить, султан сделал то, чего не делал ни с кем уже давно: осторожно приподнял за подбородок залитое слезами лицо и полностью закрыл чувственный рот глубоким поцелуем. Его язык настойчиво раздвигал влажные припухшие губы, блуждал по деснам, проникал глубоко в рот, доставая до самого горла. Он не размыкал кольцо мускулистых рук, лишая девочку возможности двигаться, но Арзу не сопротивлялась, лишь дышала чуть чаще и даже слабо отвечала на поцелуй: ее мягкие губы обнимали язык султана. Ах, какой сладкой была она там, внутри! Ее слюна смешивалась с пьяняще-терпкой от вина слюной Фатиха.

Что-то ужасно мешало пальцам ласкать ее шелковую спину. Чертова сетка! Он как раз хотел освободить от нее Арзу, когда наклонился к ней с ножом, а потом напрочь забыл об этом. Султан нехотя отстранился от девушки и, придерживая ее одной рукой, другой опять потянулся к ножу. Арзу никак не реагировала, ее глаза были закрыты. Теперь очень осторожно, чтобы не напугать это чудо снова, Фатих подобрал нож и, ловко разрезав сетку на спине девушки, снял ее и бросил на ковер. Арзу глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Тихо, детка, тихо, не бойся, – шептал Фатих.

Следующим движением он рассек ремешок, оплетающий ее волосы, и они рассыпались по обнаженным плечам. Султан отбросил нож, растрепал руками золотистые локоны и сглотнул тугую слюну.

Богиня стояла перед ним на коленях! Ее раскрытые, истерзанные страстным поцелуем губы алели в полумраке. Потемневшие, полные влаги глаза таили бездну удовольствий.

Не отрываясь от этих манящих глаз, Фатих поднялся на ноги и развязал шелковый пояс. Шаровары упали на ковер.

Арзу увидела прямо перед собой огромный, возбужденный член Господина, его стройные сильные ноги, сплошь покрытые густой черной шерстью, и не отвела взгляд. Изнемогая от желания, Фатих присел на край ложа.

– Ну же, девочка, иди сюда, ко мне, – прохрипел султан.

Арзу уже знала, чего ждет от нее Повелитель, и знала, что бывает, если он ждет слишком долго. Не поднимаясь с колен, она подползла к Господину, и он сжал коленями ее бедра. Фатих взял со стола серебряный кубок и поднес к ее губам.

– Пей, детка.

Арзу пила сладкое дурманящее вино из его рук, и умиротворяющее тепло разливалось внутри, с каждым маленьким глотком освобождая тело от боли, а сознание от страха. Султан гладил ее лицо, волосы, ласкал груди, и все вокруг чуть кружилось во мраке и казалось нереальным.

Фатих взял ее руку и положил на свой член.

– Погладь его, Арзу, не бойся. Он трепещет, потому что очень хочет, чтобы ты его поласкала.

Сначала осторожно, потом смелее, Арзу прошлась по нему пальчиками. Кожа оказалась теплой, приятной на ощупь и очень нежной, как у молодого ягненка. Она гладила его уже двумя руками, и бархатистая кожа сдвигалась, следуя за невинными девичьими пальцами. Фатих тщетно пытался сдержать предательскую дрожь в ногах.

– А теперь поцелуй его, – прошептал он ей в ушко и слегка пригнул вниз голову девочки.

Арзу повиновалась. Сладкие от вина губы сомкнулись вокруг блестящей головки, и сладкая истома растеклась по телу Фатиха. Он потихоньку, но все настойчивее направлял движения девочки, придерживая ее голову: изнемогающий от наслаждения член проникал все глубже и глубже. Арзу старалась изо всех сил, ее язычок скользил по коже, даря Повелителю целую гамму неопишуемых ощущений. Фатих склонился к своей еще нетронутой рабыне и отвел волосы с ее лица.

– Посмотри на меня, Арзу, – приказал он, – посмотри мне прямо в глаза!

Арзу на мгновение замерла, а потом, не разжимая губ, подняла свои бездонные глаза, обрамленные густыми ресницами. Султан утонул в них с головой и, не в силах более выносить это сладостное мучение, откинулся на ложе, издав звериный стон.

Арзу вздрогнула и застыла, но не отстранилась, продолжая держать член во рту.

«Она боится, она очень боится, потому что ты зверь! А ты возомнил, что это наивное маленькое чудо хочет тебя?!» – Фатих опять застонал, теперь уже от бессилия, и прикрыл глаза рукой.

Арзу робко попыталась продолжить, не зная точно, что именно должна теперь делать. Султан резко поднялся, оттолкнув от себя девушку. Она смутилась. На ее лице промелькнули настороженность и недоумение, а в глазах опять заплескался страх. Она вся сжалась, решив, что сделала что-то не так, и ожидая, что Повелитель снова возьмется за плетку.

Несколько часов Арзу провела на коленях и стерла их о красивый шелковый ковер, ноги устали. Она не помнила, когда ела в последний раз, испытала на себе удары плеткой, до смерти испугалась ножа и почти распрощалась с жизнью. Но потом ей показалось, что султан пожалел ее, стал ласковее, и она усердно старалась делать то, что он хочет, но, видимо, не смогла... И теперь ее мучения начнутся сначала, Господин опять жестоко накажет ее! «Я ничтожество, – подумала Арзу, – ничего не умею, не понимаю, не могу предугадать его желания, и он в конце концов убьет меня!» Ей стало так нестерпимо жаль себя, что она не смогла сдержать слез и тихо заплакала.

Фатих раздраженно налил в кубок вина: он злился на себя, он сам запутался в своих уроках. «Ну, давай же, возьми ее наконец, – думал султан, – чего ты возишься так долго с этой девчонкой?! Возьми быстро и грязно, как ты всегда это делал, разорви на части ее тело и наслаждайся криками боли! Тебе вдруг захотелось любви? Любви маленького чистого создания, которое ты, кстати, захватил в плен и привез сюда в грязном трюме, помнишь? За что она должна полюбить тебя?! За плетку? За цепь, на которой ты ее держишь?! Очнись, грозный Фатих! Тебе покоряются страны, и целые народы падают ниц перед тобой. Но за все нужно платить, и есть, видимо, вещи, которые тебе недоступны. Например, такая мелочь, как любовь женщины!»

Он отпил половину кубка.

«Стареешь, султан, становишься сентиментальным, как старая портовая б**дь. Скоро начнешь умиляться котяткам во дворе».

Он усмехнулся и тут же отчетливо вспомнил животный стон наслаждения, который получил от своей пленницы прошлой ночью, и вновь горячей волной обожгло пах...

Фатих услышал тихие всхлипы за спиной и резко обернулся. Его целомудренная богиня, в ошейнике и кожаных наручниках, горько плакала, стоя на коленях на дорогом персидском ковре. Следующая горячая волна захлестнула и сжала сердце.

Арзу выглядела совершенно измученной. Слезы лились из ее потемневших, глубоких, как омуты, глаз, а она даже не пыталась их вытереть, лишь слегка покачивалась, как тростинка на ветру, то ли от вина, то ли от усталости. Фатих подошел к девушке, поднял ее с колен, взял на руки и отнес на ложе. Он усадил ее в подушки, Арзу со стоном разогнула колени. Фатих увидел, что кожа на них стерта, и, мысленно отругав себя за невнимательность, стал нежно целовать поврежденные места. Он вытирал ладонями ее слезы, убирая непослушные локоны с лица, и, не удержавшись, провел языком по губам: они были соленые на вкус.

Внезапно Арзу заговорила тихим голосом так, что султан замер от удивления.

– Мой Господин, – жалобно произнесла девочка, и его сердце в очередной раз перевернулось в груди, – я не понимаю, что ты хочешь от меня. Пожалуйста, не бей меня больше, мне больно и страшно, и я очень устала. Я хочу все делать так, как тебе нужно, но у меня не получается. Прошу тебя, объясни, что я делаю неправильно, научи меня, как надо, я буду стараться, только не бей, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты любил меня и был доволен мной. Что я должна для этого сделать, скажи?

Фатих слушал в оцепенении и второй раз за вечер не верил своим ушам! Мало того, что рабыня посмела без разрешения обратиться к Повелителю! Слова, которые она сказала, перечеркивали его недавние размышления большим черным крестом. И слабая надежда на то, что минуту назад казалось совершенно невозможным, опять расправила крылья.

– «Я хочу»? Я не ослышался, ты сказала: «Я хочу»?! Ты хочешь, чтобы я любил тебя?!

Арзу кивнула.

– Но, моя маленькая Арзу, хотеть здесь могу только я!

– Да, мой Господин. Но я и хочу все делать так, как хочешь ты. Просто я подумала, что если смогу доставлять тебе радость, то, может быть, когда-нибудь ты сможешь полюбить меня... Или хотя бы не будешь так часто бить.

Арзу окончательно смутилась, склонила голову и замолчала.

– Что?! Ты подумала?! ТЫ подумала?! Но думаю здесь тоже только я!

Фатих веселился от души, с трудом сохраняя серьезное выражение лица. Его охватило ликование, а еще жалость и уважение к этой маленькой смелой девочке. Нужно будет поставить ее в пример визирям! Им бы тоже не мешало иногда думать.

– Арзу, рабыням запрещено думать! – он откровенно наслаждался беседой.

«Чем ты наслаждаешься? Беседой с рабыней? Ты, видимо, совсем сошел с ума. Они существуют для наслаждения их телом, а не беседами».

Арзу ничего не ответила и еще ниже опустила свое прекрасное лицо. Однако султан не был намерен останавливаться.

– Хорошо, допустим, я научу тебя. Чего же еще ты хочешь? – насмешливо спросил он.

Арзу посмотрела ему прямо в глаза:

– Еще я очень хочу есть.

Фатих не выдержал и рассмеялся. «Ну, уж если рушить все каноны, так рушить, – подумал он, – тем более разве не этого я сам хочу, очень хочу».

Он поставил перед ней блюдо с фруктами и закусками, подал кубок с вином. Потом достал пузырек с успокаивающим маслом. «И кто из нас сейчас рабыня?», – весело размышлял султан, нежно смазывая маслом ее поврежденные колени.

Арзу осмелела и заметно расслабилась. Взяв в руки кубок, вопросительно взглянула на султана и даже смущенно улыбнулась.

– Пей! Пей и ешь. Не бойся меня и слушай внимательно. Сейчас ты поешь, и я уложу тебя в кровать. Главное, поверь мне, я не хочу специально причинить тебе боль. Тебе ничего не нужно будет делать.

Арзу взглянула на Фатиха явно недоверчиво.

– Ну вот! Ты знаешь, что султан никогда не нарушает данного слова?

Арзу кивнула.

– Просто доверься мне, постарайся избавиться от страха. Обещаю, что не возьму в руки ни плетку, ни нож. Мне придется привязать тебя, но ты попытайся максимально расслабиться и слушать свое тело. Ну и меня, конечно. Ты же уже научилась общаться со своим телом без меня? За что и была наказана, потому что твое тело – это мое тело. И со мной можно все, а без меня ничего.

Арзу густо покраснела, не понимая, откуда он узнал! Она не догадывалась, что султан знает абсолютно обо всем, что происходит во дворце и даже за его стенами.

– Арзу, я знаю здесь все! – он как будто читал ее мысли, – Ты должна допить вино до конца! Не заставляй меня повторять дважды! Умница, девочка.

Фатих забрал кубок из рук слегка опьяневшей Арзу, убрал блюдо и склонился над юным обнаженным телом. Похоже, девушка успокоилась и перестала стесняться, ее глаза медленно закрывались и открывались, видимо, вино действовало. Она пыталась сфокусировать взгляд на лице Фатиха, давалось ей это с трудом, зато в нем совершенно не было страха. Султан вновь ощутил нарастающее возбуждение, ему явно пришло по душе эта ночь! Хотя она только начиналась...

Он переложил Арзу на середину огромного ложа, широко развел ее руки, поднял вверх, пристегнул к изголовью и невольно замер в восхищении. Как она была прекрасна, его греческая богиня! Глаза закрыты, губы, наоборот, слегка приоткрыты, волосы живописно разметались по простыне. Вздвигающиеся маленькие груди, плавные линии талии и стройных бедер, точеные ножки, гладкий девственный лобок словно вышли из-под резца талантливого скульптора. Фатих раздвинул девичьи ноги, приоткрыв влажный розовый бутон нетронутого лона, и задохнулся от вожделения. Резким движением сорвал с себя рубашку и жадно приник всем телом к желанной нежной плоти. Арзу напряглась под его весом и слабо застонала.

– Ничего не бойся, моя девочка, расслабься и слушай себя.

Султан приподнялся на руках и стал покрывать поцелуями каждый дюйм шелковистой кожи. Добрался до груди, сжал ее в своих огромных ладонях, посасывая и нежно покусывая затвердевшие соски. Богиня выгнулась навстречу ласкам, дрожь прошла по ее телу, передаваясь султану. «У нее очень чувствительная грудь для таких лет», – подумал Фатих, он заметил это еще вчера, а теперь убедился окончательно. Просунув ладони под упругие ягодицы и чуть приподняв девушку, он опускался с поцелуями ниже и ниже. Пройдясь по аккуратному пупку

и бархатной коже живота, его язык скользнул по бедрам к ложбинке между ног и коснулся нежных складочек в паху.

Арзу, выгнулась сильнее и непроизвольно сдвинула ноги.

– Нет, детка, разведи их как можно шире, – голос султана срывался на хрип, – иначе мне придется их тоже привязать.

«Конечно, придется, ты забыл, что она еще девочка?»

Фатих потянулся к цепям, прикрепленным в изножье ложа. Два мощных карабина защелкнулись на металлических кольцах ее ножных браслетов.

Опять Арзу была полностью обездвижена, и опять осознание этого вызвало прилив теплой волны внизу живота.

Розовый бутон расцветал на глазах у султана, открывая узкий манящий вход, губки увлажнились и затвердели. Он провел по ним пальцем, слегка проникая внутрь. Арзу ахнула, издавая стон. Она была совершенно мокра там, его девочка! Она ждала его! Ее тело было готово и хотело его!

«Не торопись», – уговаривал себя Фатих, изо всех сил сдерживая звериную похоть. Он собрал немного драгоценной влаги и просунул палец в тугое отверстие меж ягодиц. С каждым его движением стоны Арзу переходили в слабые крики. Нет, все-таки от боли его девочка кричала иначе и сейчас совсем не плакала. Повелитель смотрел на ее озаренное внутренним светом лицо и счастливо улыбался, как глупый юнец.

Никогда грозный Фатих не входил ни в одну из своих женщин так осторожно и бережно, как сейчас! Аккуратно раздвинув твердой головкой влажные губы, он медленно, с остановками, продвигался вглубь ее тела, стараясь не поранить нежные трепещущие лепестки плоти. Было тесно, очень тесно и чуть-чуть больно, молодые мышцы Арзу с силой сжимали его член, не пуская дальше, и он, закусив до крови губу, стонал от этой сладкой боли. На лбу и губах Арзу выступили капельки пота, султан понял, что пора прекращать эту взаимную пытку. Слегка подавшись назад, он сделал резкое движение вперед. Тело Арзу под ним на секунду превратилось в дугу и зазвенело, как струна.

Ее низкий гортанный крик прорезал тишину спальни. Острая боль на мгновение пронзила живот Арзу и сразу же отступила, внутри разливалось приятное тепло, и что-то теплое потекло по бедрам. «Кровь, – догадалась Арзу, – из меня течет кровь. Он что-то разорвал внутри меня». Бедная девочка имела весьма смутное представление о дефлорации.

Фатих замер, давая ей возможность свыкнуться с новым ощущением, затем возобновил движения, постепенно ускоряя темп. Арзу безвольно распласталась под ним и лишь часто дышала в такт толчкам, видимо, потратив на расставание с девственностью последние силы. Крупные капли пота покрывали ее шею и плечи, собирались в ручейки и, стекая по ложбинке на груди, образовывали маленькое озеро в углублении пупка.

Теперь стало заметно легче, и можно было сосредоточиться на собственном теле; Фатих сознательно ослабил контроль над процессом. Сильными ударами он до упора вгонял свой большой член в податливое кровотокающее лоно, с упоением растягивая его, всей сущностью впитывая нарастающее напряжение. Приближаясь к пику наслаждения, султан почти непроизвольно нажал на твердый, явственно проступивший, возбужденный бугорок Арзу. Мощный оргазм бурной лавиной одновременно сотряс их обоих. Фатих умирал в ней – то ли от сладких звуков, издаваемых его Сиреной, то ли от непрерывных волнообразных сокращений, выдаивающих без остатка его семя, и безумно хотел, чтобы эта маленькая смерть длилась вечно.

Наконец, выжатый до последней капли, султан покинул драгоценное лоно и обессиленно рухнул на спину, пытаясь усмирить рвущееся из груди сердце. Закрыв глаза и широко раскинув руки, он постепенно возвращался в реальность и к своим размышлениям.

Следовало признать, что его новая греческая Победа оказалась большой редкостью. И она просила научить ее тому, что уже умела! Вероятно, сама свободная островная природа наградила ее уникальным даром особой женской сверхвысокой чувственности. Фатих перебирал в памяти своих женщин и не мог припомнить ничего подобного. Может быть, от страха перед ним или от внутренней скованности и отсутствия собственных желаний они обычно долго приближались к оргазму, иногда для этого требовались месяцы, а то и годы, или рождение ребенка. О том, чтобы достичь его в первое соитие во время потери девственности, и думать было невозможно. Наверное, и обращение с ними самого султана не способствовало этому: он никогда особо не заострял внимания на ощущениях женщин, видя в них лишь источник своего удовольствия и сосуд для вынашивания наследников.

Сейчас он понимал, как ошибался. Душевное наслаждение, испытанное им от того, как поет тело женщины от одного прикосновения его пальца, дополняло и многократно усиливало физическое. Он снова и снова хотел это чудо, эту девочку-богиню, эту девочку-женщину, повергшую его, сама того не ведая, в пучину неземной страсти.

Повернувшись на бок, он взглянул на Арзу. О, что это было за зрелище! Его распятая цепями богиня мирно спала в кожаном ошейнике, опутанном влажными от пота, растрепавшимися золотистыми локонами. Медленно вытекающее из нее семя смешивалось на бедрах с алой кровью, окрашивая их в нежно-розовый цвет.

«Она будет болеть неделю, убудюдок, – подумал султан, – и ты не сможешь, слышишь, прикоснуться к ней целую неделю». Он тихо поднялся и аккуратно, стараясь не разбудить свое чудо, отстегнул цепи, снял кожаные браслеты и ошейник. Арзу не пошевелилась, лишь слабо улыбнулась во сне. Фатих нежно убрал прилипший локон со лба девушки и, еле сдерживая чувства, накрыл ее тонким покрывалом. О том, чтобы заснуть с ней рядом, нечего было и думать.

С глубоким вздохом сожаления султан накинул халат, в задумчивости прошелся по спальне, затем решительно направился к дверям и отдал несколько распоряжений слуге, дежурившему у входа. Вернулся обратно, присел на край ложа. Спящая девочка просто притягивала к себе взгляд. Фатих помотал головой, стряхивая наваждение, налил и выпил немного вина, нехотя разжевал виноградину. Случайно заметил большой охотничий нож, так и валяющийся на ковре, вспомнил напуганную до полусмерти Арзу и усмехнулся. Сейчас он мог бы легко зарезать этим ножом несколько десятков человек, если б только они посмели нарушить ее сон.

И сразу же, конечно, вспомнил, как девочка смиренно ползла к нему на коленях, как целовала его ноги, моля о пощаде и обещая быть самой-самой покорной рабыней. «Зачем?! Прекрати! Она должна поспать!».

Бесшумно открылись двери. Слава Аллаху, появился слуга, прервав его мучения. Он нес дымящийся кальян и небольшую коробку, обитую черным бархатом. Поставив все на столик перед султаном, склонился в почтительном немом вопросе, не поднимая глаз на ложе. Фатих махнул рукой, и тот так же бесшумно удалился, плотно прикрыв двери.

Спальня наполнилась густым сладковатым дымом. Спасительный гашиш! Он всегда приносил султану расслабление и умиротворение после тяжелых трудов и походов. С удовольствием затянувшись, Фатих открыл коробку.

На бархатной подложке лежали изделия одного из его лучших ювелиров. Султан любил драгоценности. Ему очень нравилось, как смотрится золото на черном бархате, пожалуй, даже лучше, чем на шеях его многочисленных жен. Особенно если золота много. Сейчас его было достаточно. Невероятной красоты кольцо посверкивало в пляшущем свете ароматических ламп. Удивительной прозрачности и искусной огранки алмазы были оправлены в чистое золото высшей пробы. Рядом переливался всеми цветами радуги массивный браслет, выполненный в таком же стиле.

Обычно после первой ночи с новой наложницей Повелитель дарил ей тонкий золотой браслет или монисто. Алмазы такой величины его жены получали лишь за рождение сына. Но сейчас был особый случай. Фатих знал, что уже завтра этот подарок будет обсуждать весь дворец, и он навлечет на себя праведный гнев не только собственных жен, но и визирей, страстно заботящихся об экономии казенных средств. Ну и пусть твякают! Он, великий Правитель империи, мог позволить себе не замечать их, когда это было ему нужно.

Он снова вдохнул ароматный дым. Гашиш приятно дурманил голову и отключал разум. Султан любовался драгоценным колье так же, как недавно любовался своей богиней. «Их просто необходимо соединить вместе, – подумал Фатих. – Да, такой «ошейник» больше подойдет моей девочке». Гашиш делал свое дело и отменял все запреты, поставленные султаном самому себе. Он оглянулся на спящую Арзу и небрежным жестом кинул открытую коробку на ложе рядом с ней, бриллианты тихо звякнули. Фатих медленно потянул край покрывала, обнажая прекрасное юное тело. Встав рядом на колени, он бережно вынул колье и застегнул его на шею девушки, браслет занял достойное место на тонком изящном запястье. Как и предполагал Повелитель, выглядело это божественно! Сверкающее колье обрамляло чудную шею, слегка приподнимаясь на выступающих ключицах. Султан осторожно перевернул Арзу на бок и лег рядом, зарываясь лицом в ее волосы, вдыхая их аромат, нежно коснулся губами шеи чуть выше золотого замочка, потом чуть ниже. Она слегка согнула ноги, подтягивая их к животу, и застонала. Точно так же она сворачивалась в клубок на каменном полу, когда он воспитывал ее плеткой.

«Она будет болеть две недели», – это была последняя здравая мысль Фатиха.

Изнывая от вожделения, он вошел в спящую расслабленную девушку сзади, не встретив ни малейшего сопротивления, и имел ее глубоко, медленно и долго, смакуя каждое движение. Слабые чувственные стоны ласкали слух Повелителя, теплая кожа будто плавилась и растворялась под пальцами. Он так и не понял, спит или бодрствует Арзу, и так и заснул под утро, совершенно измученный неожиданно обрушившимся на него счастьем, не выходя из нее и не разжимая объятий.

Известие о дорогом подарке султана новой наложнице молниеносно облетело дворец. Он тихо гудел, как растревоженный улей. Тихо, ибо громко гудеть боялся. Когда к полудню стало известно, что он выделил ей роскошные гостевые апартаменты рядом со своей спальней отдельно от гарема, дворец замер. Такого не могли припомнить даже старейшие визири, служившие еще его отцу! Фатих словно не замечал обращенных на него недоуменных взглядов, занимался текущими делами, вел себя как обычно и ничем не выказывал явных признаков помешательства. Гарем возмущенно бурлил, обсуждая небывалые новости, которые ежечасно обновляли услужливые евнухи, принося их с мужской половины. Только главная жена Фатиха, его ровесница, мать старшего сына, красавица Эмине Гюльбахар сохраняла спокойствие. Когда ей надоело слушать бесконечные причитания женщин, она сказала:

– Закройте рты, глупые курицы, займитесь детьми и молитесь Аллаху, что вы сейчас здесь, а не на ее месте.

Мудрая женщина, она лучше всех знала своего мужа.

После обеденной трапезы визири втайне от султана собрались на экстренный совет и, конечно, решили, что с обращением к Господину отправится сам великий визирь Махмуд-Паша. Речь сочиняли долго и мучительно, наконец, испросив высочайшей аудиенции, визирь предстал перед Правителем империи. Волнуясь, склонившись в почтительном поклоне, он начал:

– Мой Повелитель...

– И все!

От удивления у визиря округлились глаза:

– Но, Господин...

– Я непонятно изъясняюсь?! И все! На этом твоя речь закончена! Решение уже принято мной, и я не намерен выносить его на обсуждение совета. У тебя есть еще что-нибудь важное?

– Нет, но...

– Отлично, у меня есть. Отправь подарки в гарем, посоветуйся с Эмине, она лучше знает что нужно. Оставь в гостевых апартаментах тех же трех рабынь на постоянной работе, и чтоб носу не казали в гарем и отлучались только по одной, проследи за этим строго! Всю подаваемую пищу пусть пробует одна из рабынь в твоём присутствии. Устрой охрану и проверяй ее лично четыре раза в сутки! Ты понял? Лично! И не приведи Аллах, ты знаешь... даже разбираться не буду кто! Твоя голова будет первой! Это все!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.